

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.64
ББК 60.028.13+60.54-44

© Смолева Е.О.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕНТАЛЬНЫХ БАРЬЕРОВ ИНКЛЮЗИИ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ¹

СМОЛЕВА ЕЛЕНА ОЛЕГОВНА

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: riolenas@rambler.ru

Проводимое исследование обусловлено отсутствием единой концепции, связывающей ментальность с социальными процессами и модернизацией российского общества. Задачи статьи заключаются в определении логики научного исследования и взаимосвязей таких понятий, как социальная уязвимость населения, ментальность и ментальные барьеры, социальная инклюзия. Под социально уязвимыми категориями населения мы понимаем группы населения, испытывающие эксклюзию, выражающуюся в ограниченном доступе к правам, ресурсам, благам, услугам, или в отношении которых существует риск подвергнуться социальной эксклюзии в ближайшем будущем при отсутствии поддержки социума. Социальная эксклюзия – основной критерий определения социальной уязвимости. Она разделяется на две составляющие (ситуацию и состояние), что позволяет более четко фиксировать индикаторы эксклюзии, описывать ее механизмы. В качестве основного фактора эксклюзии определена невозможность осуществления индивидом трудовой деятельности, т. к. последняя является и основным источником дохода для большинства населения, и полем личностной самореализации, и одной из основных сфер общения и социальных связей. На этом основании выделены следующие категории социально уязвимого населения: население предпенсионного и пенсионного возраста, инвалиды, молодые специалисты, семьи с несовершеннолетними детьми. Объяснительная концепция эксклюзии и инклюзии (как противоположности) опи-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества (2016–2018 гг.)».

рается на процессы конструирования особого отношения к социально уязвимым слоям населения. Ментальные барьеры социума проявляются как негативный образ данных групп, негативное эмоциональное восприятие и реализуемые поведенческие практики исключения. В повседневной жизни ментальные установки ставят барьеры в деятельности и коммуникации. При этом сыграть роль барьеров инклюзии может такая особенность российского менталитета, как патернализм. Социокультурный контекст социальной инклюзии составляет взаимодействие традиционных ценностей российской культуры (общинность, самопожертвование, соборность и др.) с западными ценностями либерализма. В дальнейшей работе научного коллектива планируются проведение анализа положения социально уязвимых категорий населения на региональном рынке труда и выявление факторов их пониженной конкурентоспособности, исследование стереотипов в сфере трудовой деятельности, разработка механизмов преодоления ментальных барьеров инклюзии указанных групп населения.

Социально уязвимые категории населения, социальная эксклюзия, социальная инклюзия, ментальность, ментальные барьеры.

Характерная для конца XX – начала XXI вв. нестабильная экономическая обстановка, трансформация сознания российского общества, изменения социальной политики значительно расширили круг лиц, входящих в категорию «социально уязвимые слои населения». В настоящее время обсуждение проблемы социальной уязвимости проходит в русле трех типов современного политического дискурса: социальной опасности, социального самооправдания и социальной интеграции [3, с. 16]. В рамках последнего ученые и политики предлагают рассматривать инклюзию (социальное включение) как «принцип социального государства и гражданского общества, причем в контексте постиндустриального общества как ... модификации социальной структуры...» [10, с. 6]. Концепция инклюзии смещает приоритеты социальной политики государства в отношении уязвимых слоев населения с выделения социальных трансфертов на активное изменение образа мышления в обществе. Но для успешной коррекции существующих социальных стереотипов необходимы соответствующие технологии ментальных преобразований, основанные на комплексных научных разработках.

В 2016 году исследование Института социально-экономического развития территорий РАН «Механизмы преодоления

ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества» получило поддержку Российского научного фонда. Основная исследовательская проблема проекта связана с существованием ментальных барьеров россиян относительно категории социально уязвимого населения, препятствующих их включению в жизнь общества.

Исследование носит комплексный характер – понятийный аппарат включает дефиниции, являющиеся предметами изучения экономики, социологии, права, философии, психологии. И в то же время следует отметить недостаточную разработанность темы в плане представления единой концепции, связывающей ментальность с социальными процессами и модернизацией российского общества. Разрозненность подходов и мало-разработанность проблемы обуславливают необходимость теоретико-методологического обоснования таких понятий, как социальная уязвимость населения, ментальность и ментальные барьеры, социальная инклюзия, которую методологически неверно рассматривать в отрыве от эксклюзии.

В качестве центрального нами выбрано понятие «социально уязвимые категории населения» как связывающее две иссле-

довательские линии: во-первых, изучение ментальных барьеров инклюзии и механизмов их преодоления, во-вторых, изучение процессов модернизации регионального сообщества и путей ее активизации (рис.). Социально уязвимые группы населения являются частью регионального сообщества, поэтому исключение отдельных групп повышает риски регионального сообщества (разобщенность сообщества, неравномерность бюджетной нагрузки, социальное недовольство). С целью уменьшения рисков необходимо принимать меры по включению социальных групп и предоставлению всем доступа к основным правам. Но на сегодняшний день в обществе сильны установки негативного плана и предрассудки в отношении социально уязвимых категорий населения. Существование ментальных барьеров, как усугубляющих эксклюзию, так и препятствующих инклюзии, требует разработки механизмов по их преодолению. Включение всех социальных групп в социум активизи-

рует процессы интеграции регионального сообщества, послужит основой для его модернизации.

В экономике социальная уязвимость населения рассматривается как наличие низкого уровня доходов и накопленного имущества; вероятность потери благосостояния вследствие воздействия рисков, на которые домохозяйства не могут адекватно ответить, или недостаточного доступа к материальным и нематериальным активам.

Социологические теории, представленные концепцией социального исключения, уделяют большее внимание распаду социальных связей как источнику уязвимости и смещению акцента с неравенства доходов на ограничение доступа к правам. Как верно заметила К.С. Романова, «при экономической несостоятельности более трети населения страны (уровень жизни ниже прожиточного минимума) главными становятся право на труд, на здоровье, на образование и др., то есть борьба за жизнь» [17, с. 157].

Рис. Взаимосвязь понятий в исследовании механизмов преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых групп населения

Источник: Составлено автором.

Анализ теории и практики работы с социально уязвимыми группами населения приводит к выводу о неэффективности монетарного подхода к выделению указанных категорий. В своем исследовании под социально уязвимыми категориями населения мы понимаем группы населения, испытывающие эксклюзию, выражающуюся в ограниченном доступе к правам, ресурсам, благам, услугам, или в отношении которых существует риск подвергнуться социальной эксклюзии в ближайшем будущем при отсутствии поддержки социума [24].

Итак, в качестве основного критерия определения социальной уязвимости нами выбрана социальная эксклюзия как «процесс и результат постепенного разрушения социальных и символических связей – экономически, институционально и индивидуально значимых – которые в нормальном состоянии скрепляют индивида и общество» [1, с. 154].

Комплексный подход к явлению эксклюзии сочетает в себе основные положения экономических, социологических и психологических концепций.

Современные экономические теории базируются на установлении взаимосвязей между трудовой занятостью, уровнем жизни и социальной активностью. Если первоначально эксклюзию приравнивали к состоянию бедности, то сейчас ученые сходятся во мнении о том, что понятие социального исключения значительно шире [25, с. 553-554]. Основное внимание социологов сосредоточено на выделении групп населения, подвергнутых исключению или его риску, и соотношении эксклюзии с социальной мобильностью и социальным статусом лиц, исключенных из каких-либо жизненных сфер [22]. В целом социологические и экономические подходы изучают эксклюзию как явление, одну из граней социальной реальности и занимаются поиском ответов на следующие вопросы: какие критерии оценки ситуации исключения из общественной жизни, какие процес-

сы в обществе приводят к эксклюзии целые группы населения. Мы обозначили такой подход как ситуационный.

С точки зрения психологического подхода эксклюзия рассматривается как характеристика состояния человека. В основе личностного подхода лежит исследование стереотипов поведения, механизмов стигматизации, ценностно-мотивационной сферы личности и таких личностных характеристик, как локус контроля [11; 14]. Различия в характеристиках, критериях и механизмах составляющих социальной эксклюзии (ситуации и состояния исключения) представлено в *таблице*.

Разделение социальной эксклюзии на две составляющие (ситуацию и состояние) перекликается с подходами, характерными для западной социологической традиции [22, с. 41]. Ситуация социальной эксклюзии описывает изучаемый феномен на макроуровне, с позиций общества, а состояние – на микроуровне, с точки зрения специфики жизненной ситуации членов эксклюзированной группы. В то же время выделение составляющих позволяет более четко фиксировать индикаторы эксклюзии, описывать ее механизмы.

Социальное исключение может быть определено как возникающее в связи с ослаблением одной или более систем, являющихся фундаментальными для функционирования общества [31]. Например, Ф. Фаррингтон выделяет следующий ряд систем [30]: социальная (семья, рынок труда, соседство, сообщество, общество); экономическая (ресурсы, рынок товаров и услуг); институциональная (законодательная система, образование, здравоохранение, политические права); территориальная (демографическая, коммуникации, депривированные территории). Разногласия в научной среде возникают по количеству нарушенных систем в случае социального исключения. С одной стороны, речь идет о нарушениях только одной из этих систем [31, с. 179],

Таблица. Составляющие социальной эксклюзии: ситуация и состояние

Ситуация социальной эксклюзии – объективированные обстоятельства	Состояние социальной эксклюзии – определяется индивидуальным восприятием ситуации и самоидентификацией
Характеристика ситуации 1) трудная жизненная ситуация 2) низкое качество жизни 3) пониженная конкурентоспособность 4) отчуждение 5) социальная дистанция	Характеристика состояний 1) переживаемые остро 2) переживаемые в течение длительного времени
Виды ситуаций – эксклюзия 1) от средств к существованию 2) социальных услуг, благосостояния и сетей социальной безопасности 3) от социальной жизни (поддержание социальных контактов) 4) от культурной жизни 5) образования	Виды состояний: 1) ощущение бедности 2) одиночество 3) безысходность 4) беспомощность 5) ощущение несправедливости
Механизмы эксклюзии 1) отсутствие доступа к основным механизмам интеграции 2) депривация 3) дискриминация в эффективной занятости 4) социальная стратификация 5) неадекватная реализация социальных прав 6) физиологические ограничения активной деятельности 7) социальные ограничения активной деятельности 8) высокая иждивенческая нагрузка	Механизмы эксклюзии 1) формирование чувства зависимости, экстернальный локус контроля 2) заучивание определенных социальных ролей 3) закрытость, огораживание пространства 4) разделение на группы «своих» и «чужих» 5) прессинг нормативной системы
Индикаторы ситуации эксклюзии по отсутствию или недоступности 1) стабильная оплачиваемая работа 2) получение необходимой медицинской помощи 3) получение образования (в т. ч. детьми) 4) доступ к культурной жизни 5) адекватное жилище 6) возможность самостоятельных и автономных действий 7) доступность общения 8) доступность социальной помощи	Индикаторы состояний 1) доминирующие чувства, в т. ч. озлобленность, страх, отчаяние, подавленность 2) фрустрация 3) неразвитая структура потребностей или напряженность развитой системы потребностей
Источник: Составлено автором.	

а с другой стороны, необходимым условием социального исключения считается нарушение функционирования нескольких систем [30]. По мнению Р. Аткинсона, можно говорить о социальном исключении, когда «происходит ломка нескольких систем вследствие цепной реакции» [27, с. 1041].

Эксклюзия чаще всего проявляется в форме недоступности качественного образования, культурной жизни и социального участия, поддержания социальных контактов (например, с живущими в другом городе родственниками); невозможности планировать собственную жизнь, устроиться на работу, иметь нормальное жилье, получить необходимую медицинскую помощь, обеспечить отдых [22, с. 40-41].

К основным методологическим проблемам исследования социальной эксклюзии относится дилемма «домохозяйство или индивид». В научной литературе можно найти данные и относительно домохозяйств, и относительно отдельного человека, поэтому при анализе подходов к изучаемому феномену мы сохраняем авторскую позицию ученого, но считаем, что проблемы, создающие риск социального исключения для одного члена семьи, подвергают риску и в целом все домохозяйство.

Существенными факторами эксклюзии являются недоступность для домохозяйства таких эффективных социальных механизмов решения проблем, как наличие стабильной и оплачиваемой работы (безработица),

доступ к социальным сетям, эффективная социальная поддержка со стороны государства. К региональным характеристикам, способным повысить индивидуальные риски и повлиять на социальное исключение, относят: состояние рынка труда и базовой инфраструктуры, экологическую обстановку, обустроенность сельских поселений, связь между городом и селом, наличие социальных или межнациональных конфликтов.

Но чаще всего в качестве основных факторов эксклюзии ученые выделяют временную или постоянную нетрудоспособность, возраст [13] и другие характеристики, связанные с невозможностью осуществления индивидом трудовой деятельности и потерей в связи с этим источника средств существования [12, с. 23], хотя есть мнение, что «зависимость между дискриминацией в эффективной занятости и эксклюзией не прямая, а опосредованная факторами риска» [22, с. 69]. Почему в своем исследовании мы также решили основное внимание уделить сфере трудовой деятельности? Наш выбор обусловлен тем, что она является и основным источником дохода для большинства населения, и полем личностной самореализации, и одной из основных сфер общения и социальных связей. Результаты, достигнутые в сфере трудовой деятельности, определяют самооценку и удовлетворенность жизнью.

Основываясь на приоритетном характере эксклюзии в сфере трудовой занятости, мы выделили следующие категории социально уязвимого населения:

- население предпенсионного и пенсионного возраста;
- инвалиды;
- молодые специалисты;
- семьи с несовершеннолетними детьми,

в т. ч. многодетные семьи, одинокие матери.

Общая особенность выделенных категорий в том, что их можно рассматривать как лиц с нереализованным трудовым потенциалом.

По данным российских исследователей [20, с. 109-110], наиболее защищенными во

всех областях трудовой сферы чувствуют себя работники, находящиеся на пике трудоспособности (30–49 лет). Молодые специалисты наряду с неоправданно высокими зарплатными притязаниями имеют самые низкие индексы безопасности труда и защищенности права на представительство. Но общая тенденция состоит последовательном и резком снижении защищенности на рынке труда с возрастом. В отношении пожилых людей часто возникает вопрос, стоит или нет рассматривать их исключение из сферы трудовой деятельности? Исследование этой проблемы [18, с. 92-93] показало, что из пяти переменных, оказывающих наиболее сильное влияние на интегральный индекс эксклюзии пожилых, две относятся к сфере трудовой деятельности².

В семьях с несовершеннолетними детьми дискриминационным практикам в сфере занятости традиционно подвергаются женщины. По данным социологических исследований ИСЭРТ РАН, у каждой десятой женщины создается впечатление, что ее права при приеме на работу ущемляются по гендерному принципу³. Каждой пятой известно, что такие случаи происходят с другими женщинами⁴.

Трудоустройству инвалидов препятствуют как физические барьеры среды, так и экономические, образовательные, информационные барьеры, барьеры социального отчуждения. Даже если человек со статусом «инвалид» трудоустраивается, низкая опла-

² Вопросы «Если вам сейчас предложат посильную работу, вы согласитесь работать или нет?» и «По вашему мнению, если говорить в целом, способны или не способны люди старшего возраста учиться, приобретать новые знания и умения?» Коэффициенты сопряжения в обоих случаях составили 0,33.

³ Социологический опрос населения Вологодской области на общеобластной выборке 1500 человек; распределение ответов на вопрос «Испытывали ли Вы ущемления прав только потому, что Вы женщина?»

⁴ Социологический опрос населения Вологодской области на общеобластной выборке 1500 человек; распределение ответов на вопрос «Известны ли вам аналогичные случаи при приеме и увольнении с работы среди ваших знакомых?»

та труда на доступных инвалидам рабочих местах мешает профессиональной интеграции данной категории граждан.

Регулярная занятость и получение доходов от нее рассматриваются как «лучшая защита от социального исключения» [29]. Противоположностью социального исключения как процесса является инклюзия как расширение возможностей участия в экономических, социальных, культурных и гражданских процессах людей, находящихся на периферии общества.

Р. Левитас утверждает, что понятие эксклюзии, появившееся изначально как инструмент описания разнообразных последствий бедности и неравенства, противопоставляется интеграции, причем преимущественно в рынок труда. Дихотомическая модель исключения и интеграции в упрощенном виде несет в себе идею о том, что работа обеспечивает не только доступ к материальным ресурсам посредством заработной платы, но и культурную интеграцию [30, с. 12].

Другие ученые считают, что социальной эксклюзии может быть противопоставлена лишь социальная инклюзия [2]. Выявляя факторы социальной эксклюзии, мы тем самым определяем направленность наших дальнейших действий по борьбе с социальным исключением путем воздействия именно на эти факторы и, следовательно, намечаем пути социальной инклюзии. Объяснительная концепция социальной эксклюзии опирается на процессы конструирования отношения к социально уязвимым слоям населения как к обесцененному социальному статусу. Формирование установок, существующих в обществе в отношении отдельных групп людей, проистекает из его ментальности.

Понятием ментальность обозначают «систему установок, эталонов мышления, особенностей восприятия, поведенческих моделей, ... систему интеллектуальных и эмоциональных социальных представлений» [15, с. 135]. Мен-

тальность формируется на протяжении длительного времени в зависимости от традиций культуры, социальных структур и всей среды жизнедеятельности человека. Изменения ментальности обычно происходят медленно, но бывают периоды в истории человечества, когда эти процессы ускоряются под воздействием резкой смены социально-экономических условий, как, например, в России в 1990-х годах. Тогда под влиянием экономического спада в массовой ментальности создавался образ идеализированного рынка и рыночных отношений. Но еще сильнее изменения затронули установки отдельного человека, что нашло выражение в сдвиге акцентов с общественного в сторону индивидуального, выходе на передовые позиции личного материального и денежного достатка [15, с. 137]. Как отмечает Н.Е. Тихонова, при переходе к постиндустриальному обществу происходит «общественный сдвиг доселе невиданного размаха и динамизма в сторону индивидуализации» [22, с. 37].

Радикальные преобразования российского общества, которые характерны для последних полутора десятилетий, породили особый феномен «постсоветского сознания». По мнению И.В. Разумовского, в настоящее время в России «формируется нигилистический стандарт ментальности, индифферентность ко всему, что не является личным интересом и не входит в круг узкоэгоистичных и узкопрагматических интересов, моральный релятивизм, нарастающее отчуждение, обесценивание общечеловеческих ценностей, духовная деградация» [15, с. 137].

Стандарты поведения, выступая в качестве источника или причины социальной несправедливости, в значительной степени коррелируют с реальной стратификацией общества. Психологи и социологи выделяют основной путь создания и поддержания предрассудков – сегрегация и в крайних формах дискриминация какой-либо группы с помощью социальных институтов (государства, СМИ, образования). В случае дис-

криминации ментальные барьеры социума проявляются как негативный образ социально уязвимых групп населения, негативное эмоциональное восприятие и реализуемые поведенческие практики исключения.

Так, стереотипные представления об инвалидах представляют собой в основном упрощенные негативные убеждения: многие считают, что инвалиды опасны, непредсказуемы или беспомощны [24, с. 64]. Мнение о том, что инвалидов надо опекать, отсутствие на практике субъектного подхода к представителям указанной группы лишают последних возможности инициативы и самостоятельности, снижая тем самым шансы на полноценное включение в социум.

Среди негативных стереотипов старости наиболее распространены специфический образ старого человека (седые волосы, морщинистая кожа, плохая осанка, стоматологические дефекты и т. д.), представления о старости как о болезни, физической и духовной немощности, связь со значительным снижением уровня жизни, с агрессивным поведением, например в общественном транспорте. Старые люди – это объекты социальной помощи и поддержки [8, с. 78]. Наряду со стереотипами старения часто говорят о феномене эйджизма, под которым подразумевается «отрицательное или унижающее отношение к человеку из-за его возраста» [19, с. 137].

Ряд исследований российских ученых посвящен негативному образу многодетной семьи. Образ жизни многодетных семей воспринимается как неблагополучный, связанный с трудностями и лишениями. У простых граждан чаще рождаются негативные ассоциации с «многодетной семьей»: бедность, тяжело, одни проблемы, девиантность родителей и детей, родители-пьяницы, нехватка родительского внимания, социальные иждивенцы [5]. Безусловно, что преобладающий в обществе стереотип влияет на отношение к многодетным семьям, проявляющееся в различных жизненных сферах. В сфере тру-

довой деятельности в отношении многодетных родителей накладывается ряд стереотипов, наиболее сильные из них – гендерные. Но в данном случае мы наблюдаем проявление дискриминации в профессиональной сфере по гендерному признаку в целом целой категории «женщины». Так, по данным Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, в негосударственном секторе экономики женщинам предлагается «узкий, менее оплачиваемый круг исполнительских профессий. Предприниматели освобождаются от наименее эффективной рабочей силы, т. е. от женщин. В их представлении трудовые качества работников сильно обусловлены его полом, а не конкретными характеристиками образования и квалификации» [16]. Стереотипы находят свое отражение и в таком явлении, как безработица: продолжительность поиска работы у женщин длительнее (8,6 месяцев), чем у мужчин (7,9 месяцев), доля женщин-безработных со средним и высшим профессиональным образованием значительно больше [16].

Итак, мы видим, что сложившийся социальный стереотип способствует стратификации целых семей, включая и детей. Они заранее лишаются важнейших экономических, политических и культурных ресурсов общества, блокируются их возможности восходящей мобильности. Барьерами социальной инклюзии становятся формирование негативного образа представителя данной категории населения в глазах более благополучного окружения и видение причинности этого явления в индивидуальных особенностях личности: недостаточной целеустремленности, безволии, лени, низкой мотивации к труду и обучению, вредных привычек. В повседневной жизни ментальные установки ставят барьеры в деятельности и коммуникации. Именно поэтому так важно для интеграции в учреждения и социальные сети не только повышать доступность основных услуг для всего населения и расширять возможности трудоустрой-

ства, но и работать над изменением образа мышления общества в целом и представителей социально уязвимых групп населения в частности.

Так, обзор зарубежных практик по вовлечению пожилых людей в общественную жизнь позволяет сделать вывод о том, что инклюзия пожилых осуществляется «через смену установки по отношению к пожилым с традиционной, при которой пожилые воспринимались как обуза, на новую, которая видит в пожилых потенциал и ресурс для обустройства жизни» [18, с. 87].

Немаловажное негативное значение для преодоления ментальных барьеров играет конформизм представителей отдельных социальных групп и общества, ибо он обуславливает процесс сохранения по инерции стереотипов и предрассудков после их формирования [24, с. 66].

Какие особенности российского менталитета могут сыграть роль барьеров инклюзии социально уязвимых групп населения? Прежде всего это идея патернализма. Традиционно русский народ ориентирован на помощь и спасение, а не на стремление определить социальные права и наладить механизмы их реализации (западная концепция социальной инклюзии). Социокультурный контекст преодоления социальной эксклюзии составляет взаимодействие традиционных ценностей российской культуры (общинность, самопожертвование, соборность и др.) с западными ценностями либерализма [4, с. 9].

Вторая сторона исследования касается вопросов взаимовлияния менталитета и модернизационных процессов в российском обществе. Ученые обращают внимание на то, что успешность проводимых в стране реформ зависит от соответствия их специфике российского менталитета [6, с. 7]. «Модернизация в России идет трудно. Почти не идет. Причин много. Одна из главных – реформаторы не учитывают ментальности россиян» [7, с. 73]. Так, например, по мнению Р.И. Со-

коловой, без учета менталитета социальных слоев «материальное стимулирование деторождения часто оборачивается бурным размножением социальных «низов» – алкоголиков, наркоманов и т. д.» [21, с. 37].

Модернизация регионального общества зависит от свойственных ему социокультурных феноменов и процессов, от ментальности всех входящих в него групп. В данном случае под региональным сообществом мы понимаем сообщество людей, объединенных временными и территориальными условиями проживания, взаимодействующих между собой в рамках социальных институтов, групп и организаций в интересах региона и влияющих на формирование общественных отношений в нем [23]. Социокультурная и культурно-географическая специфика различных регионов России, типов поселений будет в значительной мере определять доступные для индивидов ресурсы, которые могут помочь (или помешать) им преодолеть социальное исключение. Так, эксклюзия городских жителей в большей степени определяется социокультурными феноменами, свойственными городскому образу жизни: анонимность, замкнутость и обособленность населения. Сельская эксклюзия больше определяется территориальным фактором и отсутствием развитой социальной инфраструктуры. Размер страны является важнейшей причиной исключения целых регионов из модернизационных процессов [9, с. 108].

Если отдельные элементы менталитета несовместимы с модернизацией, то в этом случае необходима «целенаправленная работа по коррекции отечественного менталитета, его определенной деконструкции – устранению из него компонентов, тормозящих инновационный процесс в стране, и созданию компонентов, стимулирующих этот процесс» [6, с. 7].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что эксклюзия / инклюзия как двусторонний процесс тесно свя-

заны с проблемами бедности и социальной мобильности. Социальное исключение возникает под воздействием группы факторов риска, оказывающих синергетический эффект. Нейтрализация хотя бы одного из них способна вывести домохозяйство из зоны риска попадания в положение социальной исключенности. Эксклюзия включает в себя два компонента: ситуацию исключения и состояние индивида. Следовательно, инклюзия предполагает изменения, происходящие как на ситуационном, так и на личностном уровне. К механизмам инклюзии социально уязвимых категорий населения относят:

– на ситуационном уровне: социальные трансферты, изменение установок социума по отношению к социально уязвимым категориям, создание среды общения, создание условий для реализации трудового потенциала, приобщения к культурному процессу, оказание необходимой правовой помощи, доступность качественного образования и медицинской помощи;

– на личностном уровне: социальное развитие индивида, накопление социального капитала.

Главным образом внимание научного коллектива будет направлено на анализ положения социально уязвимых категорий населения на региональном рынке труда и выявление факторов их пониженной конкурентоспособности, исследование стереотипов в сфере трудовой деятельности, разработку механизмов преодоления ментальных барьеров инклюзии указанных групп населения. Среди механизмов формирования стереотипов в отношении социально уязвимых групп населения в обществе следует выделить политику государства, воздействие СМИ, дискурс публикаций научного харак-

тера, представления о статусных и личностно-психологических особенностях представителей указанных категорий, основанные на повседневном опыте.

Трансформация системы ценностей, сопровождающая переход от государственного патернализма к либеральной модели минимальных гарантий, приводит к разнонаправленным тенденциям формирования социальной политики в регионах. Этот процесс актуализирует разработку предложений по изменениям и дополнениям основных направлений политики социальной защиты в области обеспечения занятости, трудоустройства социально уязвимых категорий населения, подготовку предложений по ее государственному регулированию на региональном уровне, основанных на комплексном подходе к процессам социального исключения. Социальное включение мы рассматриваем как противоположный эксклюзии процесс, который отражает возможности человека двигаться от групп с более ограниченным доступом к социальным благам в группы с большим доступом к ним. Социологический и экономический подход к феномену эксклюзии/инклюзии выходят на уровень обобщения социальных проблем. Психологический подход выявляет ресурсы личности, необходимые для изменения ситуации исключения. Необходима выработка комплексного решения в совмещении всех подходов: изменение политико-правовой базы, социальных институтов, ментальности различных социальных групп. Социальная инклюзия будет способствовать максимальному использованию ресурсного потенциала всех групп населения и активизации модернизационных процессов, модернизации сознания в том числе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова, В. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам [Текст] / В. Антонова // Журнал исследований социальной политики. – 2013. – Том 11. – № 2. – С. 151–170.
2. Астоянц, М. С. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия [Текст] / М. С. Астоянц, И. Г. Россихина // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2009. – № 12. – С. 51–58.
3. Астоянц, М. С. Социальное сиротство: условия, механизмы и динамика эксклюзии (социокультурная интерпретация) [Текст] : автореферат ... д. соц. наук / М. С. Астоянц. – Ростов н/Д, 2007. – 43 с.
4. Бородкин, Ф. М. Социальные эксклюзии [Текст] / Ф. М. Бородкин // Социологический журнал. – 2000. – № 3/4. – С. 5–17.
5. Вовк, Е. Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей [Текст] / Е. Вовк // Социальная реальность. – 2007. – № 3. – С. 33–46.
6. Губанов, Н. Н. Формирование, развитие и функционирование менталитета в обществе [Текст] : монография / Н. Н. Губанов. – М. : Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. – 214 с.
7. Давыдов, А. П. Основания и структура российской ментальности в условиях модернизации [Текст] / А. П. Давыдов // Философские науки. – 2010. – № 3. – С. 73.
8. Дихотомия геронтологической ситуации в современной России: эксклюзия – инклюзия [Текст] / под ред. М. Э. Елютиной. – Саратов : Саратовский гос. техн. ун-т, 2006. – 237 с.
9. Дмитриева, А. В. Социальное включение/исключение как принцип структурирования современного общества [Текст] / А. В. Дмитриева // Социологический журнал. – 2012. – № 2. – С. 98–114.
10. Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации [Текст] / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М. : МОНФ; ЦСПГИ, 2008. – 224 с.
11. Липман, У. Общественное мнение [Текст] / пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
12. Маллаева, М. И. Методические подходы к определению объектов социальной защиты населения [Текст] / М. И. Маллаева, Х. М. Хаджалов // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – Вып. 5. – С. 21–25.
13. Мальцева, Е. В. Социально уязвимые категории населения на рынке труда и организация их социальной защиты [Текст] : дис. ... канд. экон. наук / Е. В. Мальцева. – М., 2001.
14. Московичи, С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс [Текст] / С. Московичи. – М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. – 480 с.
15. Разумовский, И. В. Формирование современной российской ментальности [Текст] / И. В. Разумовский // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 134–140.
16. Римашевская, Н. М. Гендерные стереотипы и логика социальных отношений [Электронный ресурс] / Н. М. Римашевская // Интернет-конференция «Динамика гендерных стереотипов в современной России». – М. : ИСЭПН РАН, 2006. – Режим доступа : <http://ecsocman.hse.ru/text/16208971>
17. Романова, К. С. Российская ментальность и либерализм [Текст] / К. С. Романова // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 6. – С. 149–164.
18. Сапонов, Д. И. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения [Текст] / Д. И. Сапонов, А. А. Смолькин // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 5. – С. 83–94.
19. Словарь терминов по социальной геронтологии [Текст] / под ред. Р. Ш. Бахтиярова, В. В. Безрукова, И. Н. Бондаренко и др. – М.–Самара : НИИ «Международный центр по проблемам пожилых», 1999. – 175 с.
20. Соболева, И. Социальная защищенность в сфере труда: тенденции распределения и зоны уязвимости [Текст] / И. Соболева, Л. Лакунина // Общество и экономика. – 2010. – № 1. – С. 101–124.
21. Соколова, Р. И. Человеческий фактор – неучтенный элемент российского государства [Текст] / Р. И. Соколова // Философские науки. – 2009. – № 8. – С. 30–42.
22. Тихонова, Н. Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России [Текст] / Н. Е. Тихонова // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 36–83.
23. Хомуха, В. И. Институциональные детерминанты трансформации социальной структуры регионального сообщества [Текст] : дис. ... канд. социол. наук / В. И. Хомуха. – Ставрополь, 2006. – 157 с.

24. Шабунова, А. А. Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения [Текст] / А. А. Шабунова, О. Н. Калачикова, Г. В. Леонидова, Е. О. Смолева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 2 (44). – С. 29–47.
25. Шаповал, И. А. Российская ментальность в аспекте интеграции инвалидов [Текст] / И. А. Шаповал // Вестник Оренбургского университета. – 2005. – № 10. – Т. 1. – С. 63–66.
26. Шмидт, В. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии [Текст] / В. Шмидт // Журнал исследований социальной политики. – 2004. – Т. 2. – № 4. – С. 547–566.
27. Atkinson, R. Combating Social Exclusion in Europe: The New Urban Policy Challenge, Urban Studies [Text] / R. Atkinson. – 2000. – Vol. 37. – P. 1037–1055.
28. Council Employment and Social Policy [Electronic resource] // Objectives in the Fight Against Poverty and Social Exclusion – 2000. – Available at : <http://europa.eu.int>
29. Farrington, F. Towards a useful definition: advantages and criticism of «social exclusion» [Electronic resource] / F. Farrington. – Available at : <http://www.nof.org.uk>
30. Levitas, R. The concept of social exclusion and the new Durkheimian hegemony [Text] / R. Levitas // Critical Social Policy. – 1996. – Vol. 16. – P. 5–20.
31. Stroebel, P. From Poverty to Exclusion: A Wage-Earning Society or a Society of Human Rights? [Text] / P. Stroebel // International Social Science Journal. – 1996. – Vol. 48. – P. 173–189.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смолева Елена Олеговна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: riolenas@rambler.ru. Тел.: (8172) 59-78-10.

Smoleva E.O.

BASIC APPROACHES TO THE RESEARCH OF MENTAL INCLUSION BARRIERS OF SOCIALLY VULNERABLE POPULATION GROUPS

The ongoing research is attributable to lack of a unified concept connecting the mentality of social processes and the modernization of the Russian society. The objectives are to identify the research consistency and the correlation of concepts such as social vulnerability of the population, mentality and mental barriers, social inclusion. Socially vulnerable population groups include population groups experiencing exclusion which is reflected in limited access to rights, resources, goods, services, or in whose respect there is a risk of social exclusion in the near future without the support of society. Social exclusion is the main criterion for determining social vulnerability. It is divided into two components (situation and condition), which provides a more explicit observation of exclusion indicators and the description of its mechanisms. The main factor of exclusion is the individual's inability to perform labor activity as the latter is both the main source of income for most people, a means of self-actualization and one of the main areas of communication and social relations. On this basis, the following categories of socially vulnerable population groups have been identified: population of pre-retirement and retirement age, the disabled, young specialists, families with minor children. The explanatory concept of exclusion and inclusion (as an opposite) is based on

provision of special treatment to the socially vulnerable population groups. Mental barriers of society are reflected in the form of a negative image of these groups; negative emotional and behavioral patterns are also not an exception. In everyday life, mental attitudes pose barriers in activities and communication. The role of inclusion barriers can be performed by a feature of Russian mentality such as paternalism. Socio-cultural context of social inclusion is the interaction of traditional values of the Russian culture (communalism, self-sacrifice, unity, etc.) with Western liberal values. In further work of the research team there are plans for analyzing the situation of socially vulnerable population groups on the regional labor market and identification of the factors in their low competitiveness, studying the stereotypes in the field of employment, the development of mechanisms for overcoming mental inclusion barriers of these population groups.

Socially vulnerable population groups, social exclusion, social inclusion, mentality, mental barriers.

REFERENCES

1. Antonova V. Kontsepty sotsial'noi inkluzii i eksklyuzii v global'nom obshchestve: dreif po sotsial'nym institutam, aktoram i praktikam [The concepts of social inclusion and exclusion in global society: a journey within social institutions, actors and practices]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [Journal of social policy studies], 2013, volume 11, no. 2, pp. 151–170.
2. Astoyants M. S., Rossikhina I. G. Sotsial'naya inkluziya: popytka kontseptualizatsii i operatsionalizatsii ponyatiya [Social inclusion: a try to conceptualize and operationalize the term]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* [Southern Federal University Review. Pedagogical sciences], 2009, no. 12, pp. 51–58.
3. Astoyants M. S. *Sotsial'noe sirotstvo: usloviya, mekhanizmy i dinamika eksklyuzii (sotsiokul'turnaya interpretatsiya): avtoreferat ... d. sots. nauk* [Social orphanhood: conditions, mechanisms and exclusion dynamics: abstract from a Doctor of Sociology dissertation]. Rostov on Don, 2007. 43 p.
4. Borodkin F. M. Sotsial'nye eksklyuzii [Social exclusions]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 2000, no. 3/4, pp. 5–17.
5. Vovk E. Mnogodetnost' kak tsennost' i praktika: obrazy mnogodetnykh semei [Possession of many children as a value and practice: the images of families with many children]. *Sotsial'naya real'nost'* [Social reality], 2007, no. 3, pp. 33–46.
6. Gubanov N. N. *Formirovanie, razvitie i funktsionirovanie mentaliteta v obshchestve: monografiya* [The formation, development and functioning of mentality in a society: monograph]. Moscow: Mezhdunarodnyi izdatel'skii tsentr «Etnosotsium», 2014. 214 p.
7. Davydov A. P. Osnovaniya i struktura rossiiskoi mental'nosti v usloviyakh modernizatsii [The basis and structure of Russian mentality amid modernization]. *Filosofskie nauki* [Russian journal of philosophical sciences], 2010, no. 3, p. 73.
8. Elyutina M. E. (Ed.). *Dikhotomiya gerontologicheskoi situatsii v sovremennoi Rossii: eksklyuziya – inkluziya* [Dichotomy of gerontological situation in modern Russia: exclusion – inclusion]. Saratov: Saratovskii gos. tekhn. un-t, 2006. 237 p.
9. Dmitrieva A. V. Sotsial'noe vklyuchenie/isklyuchenie kak printsip strukturatsii sovremennogo obshchestva [Social inclusion/exclusion as a modern society structuring principle]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 2012, no. 2, pp. 98–114.
10. Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. (Eds.). *Inkluziya kak printsip sovremennoi sotsial'noi politiki v sfere obrazovaniya: mekhanizmy realizatsii* [Inclusion as a principle of the modern social policy in education]. Moscow: MONF; TsSPGI, 2008. 224 p.
11. Lipman W. *Obshchestvennoe mnenie: per. s angl.* [Public opinion: translation from English]. Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 384 p.
12. Mallaeva M. I., Khadzhalov Kh. M. Metodicheskie podkhody k opredeleniyu ob'ektov sotsial'noi zashchity naseleeniya [Methodological approaches to the identification of the subjects of social protection of the population]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Dagestan State University], 2011, issue 5, pp. 21–25.

13. Mal'tseva E. V. *Sotsial'no uyazvimye kategorii naseleniya na rynke truda i organizatsiya ikh sotsial'noi zashchity: dis. ... kand. ekon. nauk* [Socially vulnerable population groups on the labor market and their social protection: Ph.D. in Economics dissertation]. Moscow, 2001.
14. Moskovichi S. *Vek tolp: Istoricheskii traktat po psikhologii mass* [A century of crowds: a historical treatise on mass psychology]. Moscow: Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1998. 480 p.
15. Razumovskii I. V. Formirovanie sovremennoi rossiiskoi mental'nosti [The formation of modern Russian mentality]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Tula State University Review. Liberal arts], 2013, no. 2, pp. 134–140.
16. Rimashevskaya N. M. Gendernye stereotipy i logika sotsial'nykh otnoshenii [Gender stereotypes and social relations logics]. *Internet-konferentsiya "Dinamika gendernykh stereotipov v sovremennoi Rossii"* [Internet-conference "Dynamics of gender stereotypes in modern Russia"]. Moscow: ISEPN RAN, 2006. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/16208971>
17. Romanova K. S. Rossiiskaya mental'nost' i liberalizm [Russian mentality and liberalism]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN* [Institute of Philosophy and Law scientific yearbook], Ekaterinburg, 2006, issue 6, pp. 149–164.
18. Saponov D. I., Smol'kin A. A. Sotsial'naya eksklyuziya pozhilykh: k razrabotke modeli izmereniya [Social exclusion of elderly population: on the design of measurement model]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Public opinion monitoring], 2012, no. 5, pp. 83–94.
19. Bakhtiyarov R. Sh., Bezrukov V. V., Bondarenko I. N. et al. (Eds.). *Slovar' terminov po sotsial'noi gerontologii* [Social gerontology glossary of terms]. Moscow–Samara: NII «Mezhdunarodnyi tsentr po problemam pozhilykh», 1999. 175 p.
20. Soboleva I., Lakunina L. Sotsial'naya zashchishchennost' v sfere truda: tendentsii raspredeleniya i zony uyazvimosti [Work-related social security: distribution trends and vulnerability zones]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economics], 2010, no. 1, pp. 101–124.
21. Sokolova R. I. Chelovecheskii faktor – neuchtennyi element rossiiskogo gosudarstva [Human factor – the element of the Russian state unaccounted for]. *Filosofskie nauki* [Russian journal of philosophical sciences], 2009, no. 8, pp. 30–42.
22. Tikhonova N. E. Fenomen sotsial'noi eksklyuzii v usloviyakh Rossii [The phenomenon of social exclusion in Russian conditions]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2003, no. 1, pp. 36–83.
23. Khomukha V. I. *Institutsional'nye determinanty transformatsii sotsial'noi struktury regional'nogo soobshchestva: dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Institutional determinants of transformation of the social structure of the regional community: Ph.D. in Sociology dissertation]. Stavropol', 2006. 157 p.
24. Shabunova A. A., Kalachikova O. N., Leonidova G. V., Smoleva E. O. Eksklyuziya kak kriterii vydeleniya sotsial'no uyazvimykh grupp naseleniya [Exclusion as a criterion for selecting socially vulnerable population groups]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 2 (44), pp. 29–47.
25. Shapoval I. A. Rossiiskaya mental'nost' v aspekte integratsii invalidov [Russian mentality in terms of the integration of the disabled]. *Vestnik Orenburgskogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2005, no. 10, volume 1, pp. 63–66.
26. Schmidt V. Mezhdistsiplinarnyi podkhod k probleme sotsial'noi eksklyuzii [Interdisciplinary approach to the problem of social exclusion]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [Journal of social policy studies], 2004, volume 2, no. 4, pp. 547–566.
27. Atkinson R. Combating Social Exclusion in Europe: The New Urban Policy Challenge. *Urban Studies*, 2000, volume 37, pp. 1037–1055.
28. Council Employment and Social Policy. *Objectives in the Fight Against Poverty and Social Exclusion – 2000*. Available at : <http://europa.eu.int>
29. Farrington F. *Towards a useful definition: advantages and criticism of «social exclusion»*. Available at : <http://www.nof.org.uk>
30. Levitas R. The concept of social exclusion and the new Durkheimian hegemony. *Critical Social Policy*, 1996, volume 16, pp. 5–20.
31. Stroebel P. From Poverty to Exclusion: A Wage-Earning Society or a Society of Human Rights? *International Social Science Journal*, 1996, volume 48, pp. 173–189.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smoleva Elena Olegovna – Researcher at the Department for the Studies of Lifestyles and Standards of Living. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences. 56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: riolenas@rambler.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.